

В клубе «Только стихия, только поэзия» 5 июня 2013 года.
Собрались в 414-ый раз!!!

Прежде всего Виктор Мирочник прочёл афоризмы и цитаты из стихов Пушкина

6 июня – день рождения А.С. Пушкина.
В советские времена этот праздник отмечался как **Пушкинский праздник поэзии**.
Событие всегда привлекало к себе внимание общественности и даже во времена сталинского террора сопровождалось пышными и торжественными мероприятиями.
Примечательно, что именно 6 июня 1880 года в Москве был открыт памятник А.С. Пушкину.

А.С. Пушкин. Автопортрет

Пушкинский праздник поэзии проходит и сейчас и имеет статус Всероссийского. Как и в прежние времена, в Пушкинских Горах и Михайловском собираются тысячи людей, чтобы послушать поэтические произведения в исполнении молодых или уже состоявшихся поэтов. В празднике, как правило, принимают участие известные музыканты и актеры.

Пушкинский день в России отмечается ежегодно. Государственный статус день рождения поэта получил в 1997 году согласно Указу президента РФ «О 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина и установлении Пушкинского дня России».

А в 2011 году президент России подписал Указ о ежегодном праздновании 6 июня **Дня русского языка**. В документе говорится, что эта памятная дата была установлена «в целях сохранения, поддержки и развития русского языка как общенационального достояния народов Российской Федерации, средства международного общения и неотъемлемой части культурного и духовного наследия мировой цивилизации».

Афоризмы Пушкина

"Презирать суд людей нетрудно, презирать суд собственный – невозможно".

"Злословие даже без доказательств оставляет поти вечные следы".

"Критики смешивают вдохновение с восторгом".

"Мысль! Великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль?"

"Неуважение к предкам есть первый признак безнравственности".

"Одна из причин жадности, с которой мы читаем записки великих людей, - наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками - даже слабостями и пороками. Вероятно, больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если б они оставляли нам свои произведения".

"Переводчики - почтовые лошади просвещения".

"Зависть - сестра соревнования".

"Люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения".

"Совесьть - когтистый зверь, скребущий сердце".

"Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благоразумен. Однако есть люди, которые любят себя с такой нежностью, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет смешную сторону энтузиазма и чувственности".

"Сладостное внимание женщин - почти единственная цель наших усилий".

"Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности".

"Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа".

"Я презираю свое Отечество с головы до ног, но если с этим соглашаются иностранцы, мне становится очень обидно".

"Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание".

Цитаты из поэмы А.С. Пушкина "Цыганы", 1824

"Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей". - (Алеко)

"Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда".

"Где нет любви, там нет веселий". - (Алеко)

"Вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь". - (Старик)

"И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет".

Цитаты из поэмы А.С. Пушкина "Полтава", 1828-1829

"Не только первый пух ланит
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгий вид,
Рубцы чела, власы седые
В воображенье красоты
Влагают страстные мечты".

"Старость ходит осторожно
И подозрительно глядит".

"Кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тот стой один перед грозою,
Не призывай к себе жены". - (Мазепа)

"В одну телегу впрячь неможно
Коня и трепетную лань". - (Мазепа)

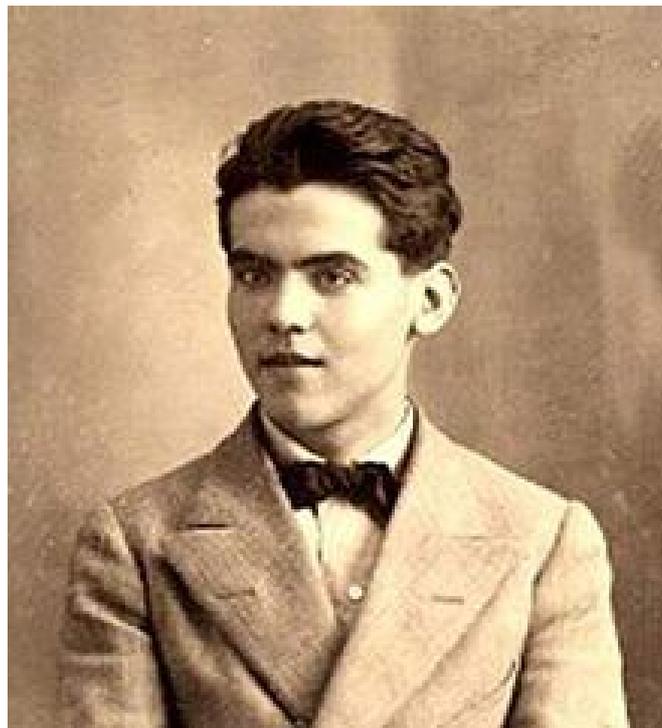
"Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой-Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.
Пирует Петр. И горд, и ясен
И славы полон взор его.
И царской пир его прекрасен.
При кликах войска своего,

В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает".

Цитаты из поэмы А.С. Пушкина "Домик в Коломне", 1830

"Рифмы запросто со мной живут;
Две придут сами, третью приведут.
Блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змию.
Грустный вой
Песнь русская. Известная примета!
Начав за здравие, за упокой
Сведем как раз. Печалию согрета
Гармония и наших муз и дев.
Но нравится их жалобный напев".

Виктор Мирочник рассказал о поэте Лорка:

Федерико Гарсия Лорка 5.06.1989 – 19.08.1939

Родился в день нашей встречи

Первая треть XX века была одним из самых ярких периодов в истории испанской культуры. Он начинается приходом в литературу поколения 98 года. Национальная катастрофа - поражение в испано-американской войне и потеря последних заокеанских колоний - обращает представителей этого поколения к осмыслению трагедии Испании, к социально-философским и историческим проблемам. Каждый предлагает свой путь к спасению и свою программу действий, но всех - Унамуно, Валье-Инклана, Бароху, Асорина, Мачадо - объединяет эта "странная" любовь к родине, чувство двойственное и мучительное, "и страсть и ненависть к отчизне". Ненависть к помпезной беспомощности правительства и безмятежной академической литературе и горестная любовь к нищей Испании, к

ее забытым богом селам. Их книги, стихи Хуана Района Хименеса, переводы Толстого и Достоевского и французская поэзия конца века формируют вкус нового литературного поколения, названного впоследствии поколением 27 года. Тридцать лет разделяют эти поколения. Тридцать лет, понадобившиеся Испании для того, чтобы "медленное самоубийство" завершилось установлением диктатуры. Смена поколений, естественно, расставляет акценты на противоположностях, которые в данном случае легко обнаруживаются, но при всех различиях, при явной полемической ориентации поколения 27 года на замкнутый поэтический мир глубинное родство поколений неоспоримо. Историческая перспектива делает эту связь еще яснее: почти всем им суждена одна война и одна судьба - смерть или изгнание. Предчувствие этой судьбы, знание ее неизбежности и тревожная готовность принести жертвы пронизывают испанскую поэзию XX века, сообщая ей высокую трагическую напряженность. Пожалуй, нигде, кроме России, не было тогда такого могучего цветения поэзии. Антонио Мачадо и Хуан Район Хименес, вслед за ними - блистательная плеяда молодых поэтов, и, среди них – Федерико Гарсиа Лорка, великий поэт Испании.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

(Перевод Инны Тыняновой)

Выходят веселые дети
из шумной школы,
вплетают в апрельский ветер
свой смех веселый.
Какую свежестью дышит
покой душистый!
Улица дремлет и слышит
смех серебристый.
Иду по садам вечерним,
в цветы одетым,
а грусть я свою, наверно,
оставил где-то.
На кладбище, над черепами
забывших время,
трепещет земля цветами,
взросло их семя.
И кипарисы, покрыты
пыльцою нежной,
вперили пустые орбиты
в простор безбрежный,
качая своей утомленной
главой зеленой.
Апрель, ты несешь нам звезды,
вешние воды,
зажги золотые гнезда
в глазах природы!

МАЛАЯ ПЕСНЯ

(Перевод М. Самаева)

У соловья на крылах
влага вечерних рос,
капельки пьют луну,
свет ее сонных грез.
Мрамор фонтана впитал
тысячи мокрых звезд
и поцелуи струй.
Девушки в скверах "прощай"
вслед мне, потупя взгляд,
шепчут. "Прощай" мне вслед

колокола говорят.
Стоя в обнимку, деревья
в сумраке тают. А я,
плача, слоняюсь по улице,
нелеп, безутешен, пьян
печалью де Бержерака
и Дон-Кихота,
избавитель, спешу на зов
бесконечного-невозможного,
маятника часов.
Ирисы вянут, едва
коснется их голос мой,
обрызганный кровью заката.
У песни моей смешной
пыльный наряд паяца.
Куда ты исчезла вдруг,
любовь? Ты в гнезде паучьем.
И солнце, точно паук,
лапами золотыми
тащит меня во тьму.
Ни в чем не знать мне удачи:
я сам как Амур-мальчуган,
и слезы мои что стрелы,
а сердце - тугой колчан.
Мне ничего не надо,
лишь боль с собой унесу,
как мальчик из сказки забытой,
покинутый в темном лесу.

ЦИКАДА

(Перевод М. Самаева)

Цикада!
Счастье хмельной
от света
умереть на постели земной.
Ты проведала от полей
тайну жизни, завязку ее и развязку.
И старая фея,
та, что слыхала рожденье корней,
схоронила в тебе свою сказку.
Цикада!
Это счастье и есть -
захлебнуться в лазурной крови
небес.
Свет - это бог. Не затем ли
проделана солнцем дыра,
чтоб мог он спускаться на землю?
Цикада!
Это счастье и есть -
в агонии чувствовать весь
гнет небес.
Перед вратами смерти
с понуренной головою,
под спущенным стягом ветра
идет все живое.
Таинственный говор мыслей.
Ни звука...
В печали

идут облаченные в траур
молчанья.
Ты же, пролитый звон, цикада,
ты, родник зачарованный лета,
умираешь, чтоб причаститься
небесному звуку и свету.
Цикада!
Счастливая ты,
ибо тебя облачил
сам дух святой, иже свет,
в свои лучи.
Цикада!
Звездой певучей
ты сверкала над снами луга,
темных сверчков и лягушек
соперница и подруга.
И солнце, что сладостно ранит,
налившись полуденной силой,
из вихря лучей гробницу
над прахом твоим водрузило
и сейчас твою душу уносит,
чтоб обратить ее в свет.
Стань, мое сердце, цикадой,
чтобы истек я песней,
раненный над полями
светом небесной бездны.
И та, чей женственный образ
был предугадан мной,
пусть собственными руками
прольет его в прах земной.
И розовым сладким илом
пусть кровь моя в поле станет,
чтобы свои мотыги
вонзали в нее крестьяне.
Цикада!
Это счастье и есть -
умереть от невидимых стрел
лазурных небес.

СОЛНЦЕ СЕЛО

(Перевод Б. Слуцкого)

Солнце село. Как статуи,
задумчивы деревья.
Хлеб скошен.
Тока опустели.
Они печальны безмерно.
Облаял пес деревенский
все вечернее небо.
Оно - как пред поцелуем,
и яблоком в нем - Венера.
Москиты - росы пегасы -
летают. Стихли ветры.
Гигантская Пенелопа
ткет ясную ночь из света.
"Спите! Ведь волки близко", -
ягнтям овечка блеет.
"Подружки, неужто осень?" -
цветок поверить не смеет.

Вот-вот пастухи со стадами
придут из далеких ущелий,
и дети будут резвиться
у двери старой таверны,
и наизусть будут петься
заученные домами
любовные куплеты.

КОЛОКОЛ

(Перевод Инны Тыняновой)

Колокол чистозвонный
в ритме креста и распятия
одевает раннее утро
париком из туманов белых
и струями тихого плача.
А старый мой друг тополь,
перепутанный соловьями,
давно считает мгновенья,
чтоб в траву
опустить ветки
прежде еще, чем осень
его золотить станет.
Но глаз моих
две опоры
ему не дают гнуться.
Старый тополь, помедли!
Не чувствуешь, как древесина
любви моей расщепилась?
Прострись на зеленом луге,
когда душа моя треснет,
которую вихрь поцелуев
и слов
изнемочь заставил
и разодрал в клочья.

ПРЕРВАНЫЙ КОНЦЕРТ

(Перевод Б. Слуцкого)

Гармония ночи глубокой
разрушена грубо
луной ледяной и сонной,
взошедшей угрюмо.
О жабах - ночей муэдзинах -
ни слуху ни духу.
Ручей, в камыши облаченный,
ворчит что-то глухо.
В таверне молчат музыканты.
Не слышно ни звука.
Играет звезда под сурдинку
над зеленью луга.
Уселся рассерженный ветер
горе на уступы,
и Пифагор, здешний тополь,
столетнюю руку
занес над виновной луною,
чтоб дать оплеуху.

Виктор Мирочник прочёл о поэте Владимире Луговском и его стихи. Этот поэт умер 5 марта – в день нашей встречи.

Луговской Владимир (1.07.1901 – 5.06.1957)

В 2001 году исполнилось сто лет со дня рождения поэта Владимира Луговского. К этой дате была выпущена книга - наиболее полное собрание его стихотворений и поэм. Читая - и рецензию, и книгу,- помните слова Евтушенко: "Внутри известного советского неплохого поэта... жил загнанный внутрь великий поэт" Поэты всегда живут мимо времени. И время не прощает их - ни в настоящем, ни в будущем. Их судьбы трагичны даже тогда, когда за ними стоит внешнее благополучие. Владимир Луговской из их числа. Признанный и обласканный властью, он тщетно пытался шагать в такт с эпохой, громыхавшей барабанным боем. Так идут в атаку и на эшафот. А в душе Луговского звучала шубертовская "Форель", отчаянно диссонирующая с бравурными маршами. Ему бы родиться хотя бы 10 годами раньше. И тогда остается только гадать: отправился бы он в африканские странствия с Гумилевым или гремел бы с эстрады в ядовитой коффе а-ля Маяковский. Но Владимир Луговской родился в 1901-м, и ему суждено было стать поэтом одной единственной эпохи - сталинизма. А этому времени если и нужны были поэты, то только карманного формата. Ладно скроенные и крепко сшитые, как патроны из ленты на бушлатах матросов. Так, чтобы вытащить в нужную минуту и пальнуть по указанному директивами направлению. Владимиру Луговскому долго хотелось соответствовать времени. Он даже попытался вступить в РАПП, хотя представить себе его, выросшего в семье великолепного педагога, тончайшего знатока и ценителя искусств Александра Федоровича Луговского, в роли пролетарского поэта так же естественно и просто, как Блока в солдатской шинели. Но, как кажется, это не была попытка умышленно приспособиться к эпохе. Просто, когда ты молод, когда на твоих глазах рушится мир, трудно устоять перед напором кровавой романтики. Рядом на твоих глазах гибнут ровесники, и кровь струится из смертельных ран, пульсируя в ритме последней курсантской венгерки. Это время героев, великих свершений, и ты охвачен неслыханным ураганом, от которого можно задохнуться:

"Мне страшно назвать
даже имя ее –
Свирепое имя родины".

Блок первым ощутил этот музыкальный напор и не смог противиться ему. Именно из "Двенадцати" вырастет позже "Песня о ветре", быть может, самое знаменитое стихотворение раннего Луговского. Поэты - люди внушаемые. Они физиологически

не способны противостоять ритму, особенно если это ритм сотворения мира. Это было монументальное время, живым олицетворением которого стал Маяковский - человек-заводская труба. А что же делать, если и тебе судьбой отпущены монументальная внешность и громовый голос? Судьба молодого Луговского была predetermined. Вообще, поэты 20-х годов росли в тени горы Маяковского, как в оранжерее. Он был генерал, а они солдаты. Он отдавал приказы по армии искусств, а они исполняли их по мере сил и таланта:

"Но сердце у великана

Не облака, не гора,

Больше, чем золота

В недрах,

Рассыпано в нем добра".

Так писал Луговской об умершем друге. Но и не только о нем. И о Маяковском, и о себе. Принято считать, что кризис у Луговского случился в 1941 году. На самом деле это не так. Начало его внутренней трагедии восходит к перелому 20-х и 30-х годов. Именно тогда происходит "жестокое пробуждение". Поэт еще трескуче и беспомощно молит республику: "Возьми меня в переделку и двинь, грохоча, вперед", а на волю рвутся совсем другие мысли и другие слова: "Прощай, если веришь, \ Забудь, если помнишь". Романтика кончилась. Скоро по левой стороне рубашки Маяковского расплывется бурое пятно, скоро жизнь вывернется наизнанку, и загремят трубы страшного коммунистического суда. А поэт, предчувствующий время, как никто другой, скорей других ощутит свою ненужность в нем.

По инерции Луговской еще напишет ряд социально правильных стихов, только будут они день ото дня все хуже и хуже. И придет время, когда поэт уже не сможет взглянуть на свое гремучее прошлое иначе, как горьким и презрительным взглядом: "Как говорил я! Как я говорил: \ Кокетничая, поддавая басом, \ Разметывая брови, разводя \ Холодные от нетерпенья руки". Но прежде будет война, самоуничтожительное изгнание в Ташкент, полная переоценка ценностей, смена ритма и словаря. Отсюда начинается совсем другой Луговской, придушенный и приглаженный в прошлом, когда поэт старался говорить в унисон времени - вместо того чтобы подчинить время себе. И что интересно - оказывается, "советский Киплинг", колонизатор и боец, странник и оратор, на самом деле всегда был робким горожанином, которому не было места нигде за пределами его родной Москвы, желавшей говорить его голосом. Он был чужим везде: в пустынях и степях, на Алайском рынке в Ташкенте и на роскошных виноградниках Дербента. Я очень бесприютный человек,- сказал он о себе. И оказалось, что ритм стихии тоже был чуждым и привнесенным, а подлинный голос поэта Луговского зазвучал вместе с неторопливым, драматическим белым пятистопным ямбом. И что призвание Луговского - быть сказочником, повествующим трагические сказки о светлой любви и черной ненависти:

"И ничего мне, собственно,

не надо,

Лишь видеть, видеть, видеть,

видеть,

И слышать, слышать, слышать,

слышать..."

Война принесет с собой "стыд и ненависть и злобу, легкую, как танцовщица". Она даст освобождение и очищение, и Луговской создаст книгу "Середина века" - одну из лучших книг этого века. А потом будет 1956 год. Окончится эпоха сталинизма, и даже этого малюсенького глотка свободы будет достаточно поэту для очередного творческого взлета. Но время вновь не пощадит Луговского, отведя ему всего лишь этот год. В 1957-м его не станет:

"Снег застигает все, хороший,

Беспамятный, последний,

слабый снег".

А потом подтвердится старая прописная истина: мы ленивы и нелюбопытны. И интересны нам не поэты, а репутации. И Владимира Луговского почти забудут. И

мы почти забудем о том, что Луговскому удалось свершить настоящий подвиг - и человеческий, и литературный. Он сумел и в сталинскую эпоху прожить и остаться поэтом.

КУРСАНТСКАЯ ВЕНГЕРКА

Сегодня не будет поверки,
Горнист не играет поход.
Курсанты танцуют венгерку,-
Идет девятнадцатый год.
В большом беломраморном зале
Коптилки на сцене горят,
Валторны о дальнем привале,
О первой любви говорят.
На хорах просторно и пусто,
Лишь тени качают крылом,
Столетние царские люстры
Холодным звенят хрусталем.
Комроты спускается сверху,
Белесые гладит виски,
Гремит курсовая венгерка,
Роскошно стучат каблуки.
Летают и кружатся пары -
Ребята в скрипучих ремнях
И девушки в кофточках старых,
В чиненых тупых башмаках.
Оркестр духовой раздувает
Огромные медные рты.
Полгода не ходят трамваи,
На улице склад темноты.
И холодно в зале суровом,
И над бы танец менять,
Большим перемолвиться словом,
Покрепче подругу обнять.
Ты что впереди увидела?
Заснеженный черный перрон,
Тревожные своды вокзала,
Курсантский ночной эшелон?
Заветная ляжет дорога
На юг и на север - вперед.
Тревога, тревога, тревога!
Россия курсантов зовет!
Навек улыбаются губы
Навстречу любви и зиме,
Поют беспечальные трубы,
Литавры гудят в полутьме.
На хорах - декабрьское небо,
Портретный и рамочный хлам;
Четверку колючего хлеба
Поделим с тобой пополам.
И шелест потертого банта
Навеки уносится прочь.
Курсанты, курсанты, курсанты,
Встречайте прощальную ночь!
Пока не качнулась манерка,
Пока не сыграли поход,
Гремит курсовая венгерка...
Идет
 девятнадцатый год.

1940

* * *

Сивым дождём на мои виски
падает седина,
И страшная сила пройденных дней
лишает меня сна.
И горечь, и жалость, и ветер ночей,
холодный, как рыба кровь,
Осенним свинцом наливают зрачок,
ломают тугую бровь.
Но несгибаема ярость моя,
живущая столько лет.
"Ты утомилась?" -
я говорю.
Она отвечает: "Нет!"
Именем песни,
предсмертным стихом,
которого не обойти,
Я заклинаю её стоять
всегда на моём пути.
О, никогда, никогда не забыть
мне этих колючих ресниц,
Глаз расширенных и косых,
как у летящих птиц!
Я слышу твой голос -
голос ветров,
высокий и горловой,
Дребезг манерок,
клёкот штыков,
ливни над головой.
Много я лгал, мало любил,
сердце не уберёг,
Легкое счастье пленяло меня
и лёгкая пыль дорог.
Но холод руки твоей не оторву
и слову не изменю.
Неси мою жизнь,
а когда умру -
тело предай огню.
Светловолосая, с горестным ртом,-
мир обступил меня,
Сдвоенной молнией падает день,
плечи мои крени,
Словно в полёте,
резок и твёрд
воздух моей страны.
Ночью,
покоя не принося,
дымные снятся сны.
Кожаный шлем надевает герой,
древний мороз звенит.
Слава и смерть - две родные сестры
смотрят в седой зенит.
Юноши строятся,
трубы кипят
плавленным серебром
Возле могил

и возле людей,
имя которых - гром.
Ты приходила меня ласкать,
сумрак входил с тобой,
Шорох и шум приносила ты,
листьев ночной прибой.
Грузовики сотрясали дом,
выл, задыхаясь мотор,
Дул в окно,
и шуршала во тьме
кромка холщовых штор.
Смуглые груди твои,
как холмы
над обнажённой рекой.
Юность моя - ярость моя -
ты ведь была такой!
Видишь - опять мои дни коротки,
ночи идут без сна,
Медные бронхи гудят в груди
под рёбрами бегуна.
Так опускаться, как падал я,-
не пожелаю врагу.
Но силу твою и слово своё
трепетно берегу,
Пусть для героев
и для бойцов
кинется с губ моих
Радость моя,
горе моё -
жёсткий и грубый стих.
Нет, не любил я цветов,
нет,- я не любил цветов,
Знаю на картах, среди широт
лёгкую розу ветров.
Листик кленовый - ладонь твоя.
Влажен и ал и чист
Этот осенний, немолодой,
сорванный ветром лист.

ТА, КОТОРУЮ Я ЗНАЛ

Нет,
та, которую я знал, не существует.
Она живет в высотном доме,
с добрым мужем.
Он выстроил ей дачу,
он ревнует,
Он рыжий перманент
ее волос
целует.
Мне даже адрес,
даже телефон ее
не нужен.
Ведь та,
которую я знал,
не существует.
А было так,
что злое море
в берег било,

Гремело глухо,
туго,
как восточный бубен,
Неслось
к порогу дома,
где она служила.
Тогда она
меня
так яростно любила,
Твердила,
что мы ветром будем,
морем будем.
Ведь было так,
что злое море
в берег било.
Тогда на склонах
остролистник рос
колючий,
И целый месяц
дождь метался
по гудрону.
Тогда
под каждой
с моря налетевшей
тучей
Нас с этой женщиной
сводил
нежданный случай
И был подобен свету,
песне, звону.
Ведь на откосах
остролистник рос
колючий.
Бедны мы были,
молоды,
я понимаю.
Питались
жесткими, как щепка,
пирожками.
И если б
я сказал тогда,
что умираю,
Она
до ада бы дошла,
дошла до рая,
Чтоб душу друга
вырвать
жадными руками.
Бедны мы были,
молоды -
я понимаю!
Но власть
над ближними
ее так грозно съела.
Как подлый рак
живую ткань
съедает.
Все,

что в ее душе
 рвалось, металось, пело,-
Все перешло
 в красивое тугое
 тело.
И даже
 бешеная прядь ее,
 со школьных лет
 седая,
От парикмахерских
 прикрас
 позолотела.
Та женщина
 живет
 с каким-то жадным горем.
Ей нужно
 братъ
 все вещи,
 что судьба дарует,
Все принижать,
 рвать
 и цветок, и корень
И ненавидеть
 мир
 за то, что он просторен.
Но в мире
 больше с ней
 мы страстью
 не поспорим.
Той женщине
 не быть
 ни ветром
 и ни морем.
Ведь та,
 которую я знал,
 не существует.

6 марта 1956

АСТРОНОМ

Ты осторожно закуталась сном,
А мне неуютно и муторно как-то:
Я знаю, что в Пулковке астроном
Вращает могучий, безмолвный рефрактор,
Хватает планет голубые тела
И шарит в пространстве забытые звезды,
И тридцать два дюйма слепого стекла
Пронзают земной, отстоявшийся воздух.
А мир на предельных путях огня
Несется к созвездию Геркулеса,
И ночь нестерпимо терзает меня,
Как сцена расстрела в халтурной пьесе.
И память
 (но разве забвенье порок?),
И сила
 (но сила на редкость безвольна),
И вера
 (но я не азартный игрок)
Идут, как забойщики, в черную штольню

И глухо копаются в грузных пластах,
Следя за киркой и сигналом контрольным.
А совесть?
 Но совесть моя пуста,
И ночь на исходе.
 Довольно!
1926

Виктор Мирочник рассказал о поэте Майкове Аполлоне, день рождения которого 4 июня.

Майков Аполлон (4.06.1821 – 20.03.1897)

Майков Аполлон Николаевич - один из главных поэтов послепушкинского периода, сын Николая Аполлоновича Майкова, род. 4 июня 1821 г., первоначально своим развитием обязан В. А. Солоницину и И. А. Гончарову, преподававшим ему русскую литературу. Стихи стал писать с 15-ти лет. Поступив в 1837 г. в спб. ун-в. по юридич. факультету, Майков мечтал о карьере живописца, но лестные отзывы Плетнева и Никитенко о его первых поэтических опытах, в связи с слабостью зрения, побудили его посвятить себя литературе. В 1842 г. Майков предпринял заграничное путешествие, около года жил в Италии, затем в Париже, где вместе с своим братом, Валерианом Николаевичем, слушал лекции в Сорбонне и College de France; на обратном пути близко сошелся с Ганкою в Праге. Результатом этой поездки явились с одной стороны "Очерки Рима" (СПб., 1847), а с другой кандидатская диссертация о древнеславянском праве. Служил Майков сначала в министерстве финансов, затем был библиотекарем Румянцевского музея до перенесения его в Москву, в настоящее время состоит председателем комитета иностранной цензуры. Поэзия Майкова отличается ровным, созерцательным настроением, обдуманностью рисунка, отчетливостью и ясностью форм, но не красок, и сравнительно слабым лиризмом. Последнее обстоятельство, кроме природных свойств дарования, объясняется отчасти и тем, что поэт слишком тщательно работает над отделкою подробностей, иногда в ущерб первоначальному вдохновению. Стих Майкова в лучших его произведениях силен и выразителен, но вообще не отличается звучностью. По своему содержанию, поэзия Майкова определяется, с одной стороны, древнеэллинистическим эстетическим мирозерцанием, с явно преобладающим эпикурейским характером, с другой - преданиями русско-византийской политики. Темы того и

другого рода, хотя внутренне ничем не связанные между собою, одинаково дороги поэту. Как на второстепенный мотив, заметный более в первую половину литературной деятельности Майкова, можно указать на мирные впечатления русской сельской природы, которым поэт имел особенные удобства отдаваться, вследствие своей страсти к рыболовству. Майков сразу приобрел себе литературное имя стихотворениями "в антологическом роде", из которых по ясности и законченности образов выдаются: "Сон", "Воспоминание", "Эхо и молчание", "Дитя мое, уж нет благословенных дней", "Поэзия"; выше всяких похвал в своем роде "Барельеф". Одна из "эпикурейских песен" начинается редким у Майкова лирическим порывом:

"Мирта Киприды мне дай!

Что мне гирлянды цветные?",

но затем во второй строфе грациозно переходит в обычный ему тон:

"Мирта зеленой лозой

Старцу, венчавшись, отрадно

Пить под беседкой густой,

Крытой лозой виноградной".

Характерно для поэзии Майкова стихотворение "После посещения Ватиканского музея". Скульптурные впечатления этого музея напоминают поэту другие такие же впечатления из раннего детства, сильно повлиявшие на характер его творчества

"Еще в младенчестве любил блуждать мой взгляд

По пыльным мраморам потемкинских палат.

Антики пыльные живыми мне казались,

И властвуя моим младенческим умом,

Они роднились с ним, как сказки умной няни,

В пластической красе мифических преданий...

Теперь, теперь я здесь в отчизне светлой их,

Где боги меж людей, прияв их образ, жили

И взору их свой лик бессмертный обнажили.

Как дальний пилигрим, среди святынь своих,

Средь статуй я стоял..".

В превосходном стихотворении "Розы" (отдел "Фантазии") мгновенное впечатление переносит поэта из современного бала в родной ему античный мир

"...Ах, вы всему виною

О розы Пестума, классические розы!".

Там же замечательно стихотворение "Импровизация" - единственное, в котором пластическая поэзия Майкова весьма удачно входит в чуждую ей область музыкальных ощущений:

"Но замиравшие опять яснее звуки...

И в песни страстные вторгается струей

Один тоскливый звук, молящий, полный муки...

Растет он, все растет, и льется уж рекой...

Уж сладкий гимн любви в одном воспоминанье

Далеко трелится... но каменной стопой

Неумолимое идет, идет страданье

И каждый шаг его грохочет надо мной...

Один какой-то вопль в пустыне беспредельной

Звучит, зовет к себе... увы! надежды нет!...

Он ноет... и среди громов ему в ответ

Лишь жалобный напев пробился колыбельный".

Из "Камей" выдаются "Анакреон", "Анакреон у скульптора", "Алкивиад", "Претор" и особенно характерное выражение добродушного и невинного эпикурейства "Юношам":

"И напиться не сумели!

Чуть за столь - и охмелели

Чем и как - вам все равно

Мудрый пьет с самосознанием,

И на свет, и обонянем

Оценяет он вино.
Он, теряя тихо трезвость,
Мысли блеск дает и резвость,
Умиляется душой,
И владея страстью, гневом,
Старцам мил, приятен девам,
И - доволен сам собой".

Из "Посланий" первое к Я. П. Полонскому очень метко характеризует этого поэта; прекрасно по мысли и по форме послание к И. А. Плетневу ("За стаю орлов двенадцатого года с небес спустился к нам стая лебедей"). Простотою чувства и изяществом выдаются некоторые весенние стихотворения Майкова. В отделе "Мисс Мери. Неаполитанский альбом" действительно преобладает альбомное остроумие, весьма относительного достоинства. В "Отзывах истории" истинным перлом можно признать "Емшан". Стихотворные рассказы и картины из средневековой истории ("Клермонтский собор", "Савонарола", "На соборе на Констанцском", "Исповедь королевы" и др.), сделавшиеся самыми популярными из произведений Майкова, заслуживают одобрения особенно за гуманный дух, которым они проникнуты. Главный труд всей поэтической жизни Майкова есть историческая трагедия, в окончательном своем виде названная "Два мира". Первый ее зародыш, забытый, по-видимому, самим автором (так как он о нем не упоминает, когда говорит о генезисе своего произведения), мы находим в стихотв. (1845) "Древний Рим" (в отделе "Очерки Рима"), в окончании которого прямо намечена тема "Трех смертей" и "Смерти Люция".

"Ты духу мощному, испытанному в битве,
Искал забвения достойного тебя.
Нет, древней гордости в душе не истребя,
Старик своих сынов учил за чашей яду:
Покуда молоды, плюща и винограду!

.....

В конец исчерпай все, что может дать нам мир!
И выпив весь фиал блаженств и наслаждений,
Чтоб жизненный свой путь достойно увенчать,
В борьбе со смертью испробуй духа силы, -
И вокруг созвав друзей, себе открывши жилы,
Учи вселенную как должно умирать".

В 1852 г. на эту тему был написан драматический очерк "Три смерти", дополненный "Смертью Люция" (1863), и, наконец, лишь в 1881 г., через 36 лет после первоначального наброска, явились в окончательном виде "Два мира". Произведение, над которым так долго работал умный и даровитый писатель, не может быть лишено крупных достоинств. Идея языческого Рима отчетливо понята и выражена поэтом:

"Рим все собой объединил, Как в человеке разум; миру
Законы дал и мир скрепил.

И в другом месте:
Единство в мире водворилось.
Центр - Кесарь. От него прошли
Лучи во все концы земли,
И где прошли, там появилась
Торговля, тога, цирк и суд,
И вековечные бегут
В пустынях римские дороги".

Герой трагедии живет верою в Рим и с нею умирает, отстаивая ее и против надвигающегося христианства; то, во что он верит, переживет все исторические катастрофы:

"О, Рим гетер, шута и мима, -
Он мерзок, он падет!.. Но нет,
Ведь в том, что носит имя Рима,
Есть нечто высшее!.. Завет

Всего, что прожито веками!
В нем мысль, вознесшая меня
И над людьми, и над богами!
В нем Прометеева огня
Неугасающее пламя!

.....
Мой разум, пред которым вся
Раскрыта тайна бытия...

.....
Рим словно небо, крепко сводом
Облегший землю и народам,
Всем этим тысячам племен
Или отжившим, иль привычным
К разбоям лишь, разноязычным
Язык свой давший и закон!".

* * *

Когда гоним тоской неутолимой,
Войдешь во храм и станешь там в тиши,
Потерянный в толпе необозримой,
Как часть одной страдающей души,-
Невольно в ней твое потонет горе,
И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
Таинственно в свое родное море
И заодно с ним рвется в небеса...

1857

* * *

Из бездны Вечности, из глубины Творенья
На жгучие твои запросы и сомненья
Ты, смертный, требуешь ответа в тот же миг,
И плачешь, и клянешь ты Небо в озлобленье,
Что не отвечает на твой душевный крик...
А Небо на тебя с улыбкою взирает,
Как на капризного ребенка смотрит мать.
С улыбкой - потому, что всё, все тайны знает,
И знает, что тебе еще их рано знать!

1892

* * *

Смотри, смотри на небеса,
Какая тайна в них святая
Проходит молча и сияя
И лишь настолько раскрывая
Свои ночные чудеса,
Чтобы наш дух рвался из плена,
Чтоб в сердце врезывалось нам,
Что здесь лишь зло, обман, измена,
Добыча смерти, праха, тлена,
Блаженство ж вечное - лишь там.

1881

* * *

В чем счастье?..
В жизненном пути
Куда твой долг велит - идти,
Врагов не знать, преград не мерить,
Любить, надеяться и - верить.

* * *

Ласточка примчалась
 Из-за бела моря,
 Села и запела:
 Как, февраль, не злися,
 Как ты, март, не хмурься,
 Будь хоть снег, хоть дождик -
 Все весною пахнет!

1858

Анзор Натлишвили прочёл:

Хроника последних десятилетий Израиля.

(К 65-летию Израиля)

Аннотация:

- 1) Справка о реальной продолжительности владения Эрец-Исраэля арабами.
- 2) Что, в реализации заветной даты 29.11.47 – о делении Палестины на 2 государства (еврейского и арабского). Какую дальновидную роль сыграл 1-ый премьер Израиля – Давид Бен Гурион и как выручил евреев «нефтяной король» - Нельсон Рокфеллер, о том, почему в наши дни Грузия – М. Саакашвили следует примеру Израиля (как прототипу) в избрании прозападного курса и почему сам Михаэль Саакашвили считает эталоном Бен Гуриона (наряду с Р. Рейганом и Шарлем Де Голлем).
- 3) Приводятся мотивы, почему не была реализована резолюция Генассамблеи ООН о создании Палестинского государства.
- 4) Указан об обратном – порочном эффекте замкнутости и игнорировании сосуществования кохабитации (сожительство) на примере рокового шага А. Садата.
- 5) О провале сделки между И. Бараком и Я. Арофатом.
- 6) Опровержение плана «Два государства для двух народов» - мнение Елены Боннер
7. Послесловие – резюме.

Константин Баскович прочёл свои стихи и рассказал о себе.

1.

в пыли безвестье,
вдали безлюдье,
туманы Темзы,
дожди России,
пиши мне, память,
не замыкайся,
сначала слово Бога,
сначала сядь на кресло...
а после - в небыли,
и слава Времени,
и есть отметины,
и всё разгаданно.

2.

вытвердить бы позу,
выплакалось там,
хочется наркозу,
с небом пополам,
скомканная простынь,
проКлятый квадрат,
ну а после - осень,
спозаранку - ад...
и если точно были,
и есть простой предел,
и грязь, и комья пыли,
то всё, как мир хотел.

1.+ 2.

в пыли безвестье, вытвердить бы позу,
вдали безлюдье, заплакалось там,
туманы Темзы, хочется наркозу,
дожди России, с небом пополам,
пиши мне, память, - скомканная простынь
не замыкайся, - проКлятый квадрат,

сначала слово Бога, ну а после - осень,
сначала сядь на кресло...спозаранку - ад...
а после - в небыли, и если точно были,
и слава Времени, и есть простой предел,
и есть отметины, и грязь, и комья пыли,
и всё разгаданно,- то всё, как мир хотел.

о себе: впервые приблизился к поэзии в детстве, мама работала в книжном магазине "поэзия", Бродского читал уже в школе, потом, в 14 занимался стихами очень серьёзно, любимые поэты- Фет, Тютчев (из классики), многие другие из века 20-го, 6 лет в Израиле учился, тому, что ближе всего: философия, литература, и прочее, - уровень обучения здесь крепкий, но не повезло, не дошёл до конца -- да и трудно это в чужой стране, занимался в лит. студиях (проза, поэзия), играл и развивался в театре у Мушкатиных, там и читал стихи, имею три книжки: одинакового формата и сделанные поздно, всмысле - в уже сознательном возрасте, мне 29 -- 13 лет живу здесь, хочу просто оставаться собой, даже если нужно для этого немало.